

* * *

Там, где Боровск, где вереск и воск,
Монастырский закат над рекою —
Кружит мой переполненный мозг
И нигде не отыщет покоя.
Чуть вздыхает мосток без перил,
И провисло июльское небо.
Кто-то жизнь, словно вещь, позабыл
У церквушки Бориса и Глеба.
Гаснет взгляд, отразивший закат,
И безвольно опущены руки —
Я себя приучаю к разлуке
С этим городом... Там, где стоят
Тополя вдоль дорог, где Христос
Не распят, а раскинут как птица —
Над больницей, где ночью от слёз
Всё никак моей дочке не спится.

* * *

Возвращайся в мой сад из кирпичных чужих трупп,
Я тебе расскажу про дождь ночных многоточий,
Объясню, почему у стрекоз по утрам озноб,
И кому пчела собирает нектар цветочный.
Я тебе расшифрую стук дятла и свист скворца,
И открою секрет, как ткёт паук паутину.
Я тебя заколдую кольцом своего отца,
А потом оживлю, как Бог, ожививший глину.
Я тебя научу различать жизнь и смерть впотьмах,
Я тебя ублажу вином и пшеничным хлебом...
Возвращайся в мой сад, я уже починил гамак,
Где мы будем спать голышом под июльским небом.

Вячеславу Черникову

Перемешались буковки
У ангела во рту.
От Боровска до Бутовки
Июль провёл черту.

На небе ни кровиночки —
Бескрайний синий холст.
А жизнь — посерединочке,
А лето — в полный рост.

И с ангелом-заикою
Я заглянул за край:
Усыпан земляникою
Наш путь из рая в рай.

И зреет медной луковкой
Церквушка на крови.
Меж Боровском и Бутовкой —
Немой восторг любви.

Фотография

Помнишь, мама, губастого мальчика,
На руках твоих птицей сидящего?
Это я.

Двадцать два — это возраст неоконченной юности,
Перемешанной с риском.
Совершаются детские глупости,
Но с надрывом и визгом.

Не боялся, поверь, поражения,
Только вдруг на рассвете
Приоткрылась причина рождения,
Объяснив сущность смерти.

Между жизнью и смертью
Помнишь, мама, губастого мальчика,
На руках твоих птицей сидящего...
Это я?

Колыбельная 37 года

Спите, граждане, гражданки, намотавшись по стране,
Пусть у вас прольются слёзы покаяния — во сне.

Тёмной ночью у подвалов вновь режут грузовики —
Там расстреливают левых правые большевики.

Полстраны спит на Лубянке, в Магадане — полстраны.
Спите, граждане, гражданки, вы пока что не нужны.

Спите все, кому сегодня жизнь по-прежнему мила,
Ничего, что вас разули и раздели догола.

Ничего, что кровь и слёзы душат вас, когда темно,
Завтра утром вы вздохнёте и проснётесь все равно.

Спите крепко, спите долго... Вас никто не ждёт нигде,
Ваши сны летят и гибнут в соннике НКВД.

* * *

За решёткой окна зреет лунный апрель.
Больше нет
Сил терпеть. Я нашёл потаённый туннель
На тот свет.

Ольга, слышишь сигнал: точка, точка, тире?
Сердце — вскачь.
Вспомни наши свидания на пустыре,
И не плачь.

Знаю, стыдно у всех на виду нагишом
Падать ниц.
Потерпи, я спасу тебя в мире чужом —
Дай мне шприц.

Подождём наступления адовой тьмы —
На режим.
Я раскрашу туннель, по которому мы
Убежим.

И пускай инквизиция жжёт на костре
Нашу боль.

Ольга, слышишь сигнал: точка, точка, тире?
Дальше — ноль...

* * *

говорю тебе пока мы налегке
говорю тебе на птичьем языке
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
ну зачем нам разорённое гнездо
пусть лежат как письма в стране глухих
эти сломанные прутики ольхи
наша родина теперь в другом краю
на чужбине штат айдахо говорю
а в россии пусть страдают от любви
от любви неразделённой воробьи
говорю тебе не спорь и не суди
море лаптевых осталось позади
лётся речь моя отравленной водой
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
мы летим уже над стиксом говорю
я люблю тебя... и я тебя люблю